

Вторичную экранизацию созданного в 1932 году романа Вячеслава Шишкова «Угрюм-река», в котором порой очень натуралистично рассказывается о рождении и становлении российской буржуазии, я вначале принял как попытку сценариста и режиссера провести аналогию между прошлым и недавним. Уж очень много обнаруживается очевидных аллюзий между последней третью XIX века и тем, что мы наблюдали на рубеже XX и XXI столетий.

В противном случае состязание с экранизацией романа Ярополка Лапшина, представленной Свердловской киностудией телезрителям в 1968-м году, означала для современных кинематографистов откровенное творческое самоубийство, и вот почему. Вячеслав Шишков писал свой роман, что называется, с натуры. Еще были живы участники описываемых событий, которых писатель знал лично. Их яркие образы на страницах романа оживают и волнуют читателя правдивостью, образностью. Прекрасный русский язык течет, как медовая река, закручивая сюжет в тугой драматический узел. Ярослав Лапшин, впервые экранизовавший роман, сумел показать настоящую тайгу, убедительно передать ощущение той эпохи, накал любовных страстей, роковую женщину Анфису (в исполнении Людмилы Чурсиной). Роковой женщины из Юлии Пересильд в принципе не могло получиться. И, как ни прискорбно, режиссер Юрий Мороз и сценарист Марина Сапрыкина акт художественного суицида совершили. Мне такой исход стал очевиден еще до выхода самого фильма на экраны. Все сказало имя Константина Эрнста в числе продюсеров. Сие означало, что вместо социальной трагедии следовало ждать очередную слезливую мелодраму для впечатлительных домохозяек. И вот тут ожидания меня не подвели.

Если в первоисточнике конфликтный любовный треугольник Анфиса Козырева – Петр Громов – Прохор Громов, пусть важный, но все-таки локализованный по времени эпизод, подчеркивающий нравственную деградацию хозяев Угрюм-реки, то в сериале Юрия Мороза он выливается в основную мелодраматическую линию.

Вольную трактовку романа Константин Эрнст, презентуя отснятый материал, объяснил нам, темным, тем, что «Угрюм-река» Вячеслава Шишкова не относится к великим произведениям. Конечно, большому советскому писателю, пережившему в блокадном Ленинграде страшную зиму 1941–1942 годов, надо дорасти до вершин творчества генерального директора «Первого канала».

Деятельность Константина Эрнста истинно поражает. Он сумел у значительной части

россиян, вне зависимости от возраста, социального положения, политических и художественных взглядов, воспитать рефлексивное игнорирование «первой кнопки». Новая версия «Угрюм-реки» развивает это несомненно «эпохальное достижение».

В телесериале удивляет и раздражает не только и, более того, не столько художественная концепция ленты. Многие наши сограждане произведений Вячеслава Шишкова не читали. Зрителей мелодраматичный сюжет с акцентами на мистику в образе духа тунгусской шаманки Синильги, будоражащей сознание Петра Громова, вполне мог устроить.

Раздражает картонная игра актеров и особенно актрис, которые, кажется, даже не представляют, что современный человек от своих предков, живших более столетия назад, отличается не только нарядами и косматой растительностью на лице, а языком, мотивацией поступков, мирозерцанием, даже характерами, даже жестами и еще много чем.

Я искренне сомневаюсь, что исполнительницы главных женских ролей Юлия Пересильд и Софья Эрнст знакомились с самим романом. Скорее всего, они давно уже ничего не читают, кроме сценариев телесериалов. Такой печатный материал напрочь стирает представление о низменном и высоком в литературе, кинематографе, театре... Но, прочитав сам роман, они, возможно, сообразили бы, что в той же Анфисе Козыревой все же больше от «героини романов Тургенева, которые надменны, нежны и чисты», чем от современной проститутки, которую Юлия Пересильд по мере способностей изображает.

Создатели фильма, как водится, гордо заверяют, что они строго следуют в фарватере исторической достоверности в изображении костюмов, декораций и всего прочего. Дескать, даже лодку, на которой Прохор Громов и его помощник черкес Ибрагим перемещаются по Угрюм-реке, делали по специальному заказу. Знать бы еще, во сколько этот заказ российскому бюджету обошелся. Будем надеяться, что не в стоимость фрегата...

Что же касается костюмов и декораций, то их характеризует одно короткое, но ёмкое слово. Имя ему – лубок.

Рубеж XIX–XX веков благодаря широко вошедшей в обиход фотографии или, как тогда говорили, светописи визуально мы представляем хорошо. Нам известны мода и высшего света, и наряды рабочих в будни и праздники. Объективы той поры запечатлели «архитектуру» уральских и сибирских деревень, заводских и приисковых поселков, а также быт их обитателей. Очень рекомендую читателям сравнить аутентичные фотографии с тем, что Юрий Мороз со товарищи выдают за «историческую достоверность».

Несуразные, вымученные диалоги, судорожная динамика в стиле клиповой съемки дополняют общую картину творческого самоубийства. Прочитайте роман Вячеслава Шишкова, который, по определению Константина Эрнста, «не великое произведение», поучитесь у него сюжету, языку, логике поступков, движению характеров...

Утверждают, что сериал снимался семь лет. Теперь, видимо, дамы и господа, причастные к его созданию, сами настрадавшись, решили предложить и зрителям кое-что испить из доставшейся им чаши мучений.

Владимир СЛАБУКА